

Часть I

Он смотрел на пачки денег, разбросанные по столу, но думал совсем о другом. Неужели время страха прошло?

Миновала неделя, как провалился путч ГКЧП. Неужели Ельцин, ещё несколько дней назад стоявший на танке перед Белым домом, победил? Сегодня приостановили деятельность КПСС и расформировали КГБ СССР. Путч — будто они в Латинской Америке какой-то, а не в Советском Союзе! Коммунистическая партия Советского Союза — руководящая и направляющая сила советского общества, ядро его политической системы, как записано в Конституции СССР, фактически оказалась под запретом! Впрочем, и СССР дышал на ладан... Было от чего закружиться голове — его поколение, поколение родителей, дедушки и бабушки — все выросли и прожили жизнь в СССР под руководством КПСС и под бдительным присмотром КГБ — а как же иначе?

Ромка присел на край узкой односпальной кровати, на которой также тут и там валялись пачки денег. «Неужели можно не бояться больше? И рюкзак денег, высыпанный на стол, а остатки на кровать, — больше не преступление?» СССР — шестая часть суши, ощерившаяся крылатыми ракетами во все стороны света, рухнул как карточный домик в одночасье. Не унеся с собой в небытие не то что Америку, как все ожидали, но вообще никого... Их поколение, как и предыдущие,

воспитывалось для самоотверженной борьбы за мир во всём мире со всем остальным миром. Борьбы за правое дело, за счастье и свободу трудового народа, за приближение эры коммунизма, когда вовсе не останется денег. Денег... Кстати, о деньгах...

Он бегло пересчитал пачки, снова засунул их в рюкзак и забросил его на антресоль своей крохотной комнаты общежития аспирантов в Главном здании МГУ на Ленгорах. Как всегда, внезапно захотелось есть, и Ромка, закрыв дверь на ключ, отправился в столовую. По мере приближения к кассе на крепком сталинских времён подносе появлялись всё новые и новые блюда: два стакана в меру разбавленной сметаны, салат «Мясной», состоящий преимущественно из картошки с майонезом, куриный суп, практически без курицы, но довольно наваристый, что свидетельствовало о том, что курица в нём всё-таки была когда-то, три порции вторых блюд, а именно бефстроганов с картофельным пюре, судак с тем же пюре и бифштекс — вновь с пюре и жареным яйцом сверху. А что там этого пюре? — ложку повари-ха шлёпнет и размажет по тарелке. Вот три — в самый раз! На подносе уже не было места, но он как-то втиснул стакан компота и два пирожных — песочное и трубочку с кремом. В конце захватил хлеб. За всё Ромка отдал рублёвый спортивный талон на питание и ещё один талон на шестьдесят копеек — профсоюзный. Покушать он любил, и спортклуб с профсоюзами поощряли это невинное увлечение. Он же взамен отстаивал спортивную честь МГУ. Профсоюз помогал бескорыстно.

Пришла пора представить нашего героя. Рома, двадцать четыре года, выпускник, а ныне аспирант экономического факультета МГУ, член сборной МГУ по боксу. Высокий, худой, жилистый. Много ест, однако не толстеет. К наукам имеет способность, но ленив. Отслужил в Советской Армии и больше не хочет. Не красавец, но и не дурён. Временами нагл и бесцеремонен, порой застенчив. Способен смущаться. Девушкам нравится. Что они в нём находят — неизвестно.

Когда на подносе осталась лишь горка пустых тарелок и два пирожных, Ромка распустил ремень. Когда не осталось и пирожных с компотом, он расстегнул верхнюю пуговицу на штанах. Глазами ел бы ещё, но дышалось натужно — воздух с трудом проходил между сухофруктами из компота, которые остановились в пищеводe — ниже всё было занято. Требовалось время, чтобы они провалились глубже. Встав с некоторым сожалением — ну почему всё хорошее так быстро заканчивается? — Ромка отнёс поднос с посудой на мойку, подмигнув по дороге симпатичной незнакомой студентке. Та не ответила и демонстративно отвернулась, однако с интересом посмотрела вслед, когда он прошёл мимо.

За большими в два человеческих роста окнами мягко светило августовское солнце, в воздухе носились паутинки, предвещающая бабье лето, уходила эпоха — страшная и героическая. На смену палачам и романтикам шла посредственность с элементами авантюризма. Ситуация напоминала половодье на реке, когда вода бурлит и несётся, закручиваясь в водовороты, а грязная ржавая пена

снует тут и там, но постепенно опадает — и вот уже пузыри полопались, оставляя лишь бурые жирные пятна. Сумасшедшие мечты уступают место низменным желаниям, грандиозность и бесчеловечность свершений — карликовости начинаний. Суетливый Брайтон вместо «перспективы Невского».

— Ромка, погоди! — Его догонял дальний знакомый, кажется, с журфака. — Дело есть! Предлагают крупную партию японских видеокассет. Есть покупатель? — Ромка скользнул взглядом по стёртым отечественного производства ботинкам собеседника и на всякий случай поинтересовался:

— Почём кассеты? Какая фирма?

— Тридцать рублей штука. Партия от тысячи штук. Если больше десяти тысяч возьмёшь, скидка!

— А фирма какая?

— «Сони», кажется.

— Хорошо, я спрошу.

— Там мой интерес не включён. Я хочу по рублю за штуку! И ты можешь добавить! — Приятель уже кричал ему в спину. Ромка кивнул не оборачиваясь.

Ещё совсем недавно это являлось уголовным преступлением. А после первого курса Ромка чуть не сел за подобные делишки — пришлось отдать ментам всё заработанное и сходить в армию, чтобы о нём забыли. А сейчас? А сейчас правоверный комсомолец, идеологически подкованный журналист кричит на всю столовую, что хочет по рублю за штуку буржуазных кассет, а бывший подполковник ОБХСС, вербовавший

Ромку в стукачи и чуть не сломавший ему жизнь, теперь вице-президент коммерческого банка и предлагает заходить, чайку попить в его кабинете с окнами на Кремль. Это произошло, когда они случайно встретились в первом на весь СССР кооперативном ресторане, куда Ромка подъехал на собственном мерседесе. Кстати, вон он стоит, серебристый красавец! И если бы та симпатичная студенточка знала, что это Ромкин, она бы, вероятно, продемонстрировала меньшее высокомерие. Ладно, на мерседес любой снимет, он предпочитает чистую игру...

Из столовой Ромка пошёл к доске объявлений «Куплю-продам», что висела на входе в зону «В» и превратилась за последнее время в прообраз биржи. Наряду с объявлениями о продаже детской коляски или подержанного молокоотсоса здесь предлагались видеомагнитофоны, автомобили и компьютеры по немислимым ценам. Объявления о продаже ПК изобиловали непонятными терминами, как то: винт, мышь, клавиша, жёлтая или белая сборка. Причём белая была дороже. Ромка ничего не смыслил в компьютерах и их характеристиках, но цены его завораживали. Он вспомнил историю, рассказанную приятелем: «Я захожу к одному кексу, здесь, в общаге, он компами занимается. На двери цепочка, прикинь! Сам в халате, таком шёлковом, дорогом, на голове сеточка для волос, а за поясом “Макаров”. Мы перетёрли по делам, он в шкаф полез за чем-то, а там всё пачками денег забито. Тыщ триста, не меньше! Прикинь...» Ромка прикинул — денег хотелось.

Не для того, чтобы тратить и шиковать, — чтобы не уступать вот таким, в сеточках. Он уже заработал кое-что, и появился азарт — ещё, ещё! Их тема закрылась, поскольку в Югославии, где они продавали ширпотреб из совка, началась война. И он находился в поиске новых тем и возможностей. Но заниматься компьютерами представлялось заоблачным. Там и деньги крутились другого порядка, и, казалось, всё давно поделено. Да и не разбирался он в них: подсунут жёлтую сборку вместо белой или мышшь сдохнет — проблем не оберёшься! Поэтому он привычно нашёл своё скромное объявление «Продам духи “Злато скифов”», сорвал соседнее, чтобы не закрывало, и принялся машинально читать другие. В одном предлагался к продаже новый автомобиль с диковинным названием «Пеугеот», цена изобиловала нулями. «Интересно, человек, когда писал, сам-то посчитал количество нулей?» Он долго пытался понять, что это за зверь — «Пеугеот»? Наконец догадался заменить русские буквы латинскими, и получилось — Peugeot. Господи, да это же пежо!

В Югославии Ромка заработал на сильно подержанный мерседес, купленный им самолично в Германии буквально пару месяцев назад и всё ещё остававшийся мечтой. Он продолжал испытывать эйфорию, каждый раз садясь за руль и не веря в происходящее. Можно было целый день ездить по Москве и вряд ли встретить больше парочки подобных красавцев с трёхлучевой звездой на капоте! Прохожие оглядывались, а знакомые считали его нуворишем, не зная истинного положения дел.

А истина была далека от их представлений. На последние остающиеся пятьсот долларов Ромке подфартило ещё купить новенькую вишнёвую «девятку» по госцене, но после павловского подорожания.

На самом деле это была не его удача — просто мама всю жизнь стояла в очереди на машину и копила деньги, отказывая себе порой в самом необходимом, чтобы сделать своему единственному и ненаглядному мальчику подарок. А когда требуемые шесть тысяч были накоплены и очередь наконец подошла, машины, как и многое другое, в один день подорожали втрое, её отчаянию не было предела. Она позвонила сыну в Москву и, сдерживая слёзы, призналась в своей тайной мечте, которая рассыпалась на глазах, а он, потрясённый до глубины души её любовью и самоотверженностью, только твердил в трубку: «Мама, не плачь, мама, только не плачь, я тебя люблю!» А потом признался, в свою очередь, что требуемая сумма у него есть. Мама ужасно испугалась и расстроилась — в СССР иметь подобные деньги априори считалось преступлением. Но Ромка объяснил, откуда дровишки, поклялся, что не украл ни копейки, и это было чистой правдой. Так неожиданно у него в руках оказалось сразу две мечты! Но совсем не оставалось денег.

Со свойственной ему предприимчивостью и низким уровнем сентиментальности Ромка быстро нашёл покупателя на мечту номер два, а именно на «девятку». Покупателем выступило совместное советско-американское предприятие — одно из первых в СССР.

Фактически это была не продажа, а обмен одной мечты на другую, потому что западники, при ближайшем рассмотрении оказавшиеся вполне нашими евреями, готовы были заплатить сто пятьдесят тысяч рублей! Правда, безналичных. Ромка не сомневался, что сумеет распорядиться безналичной мечтой не хуже, чем осязаемой, но сбыться ей оказалось не суждено. Когда он уже подъезжал к офису покупателей на Калининском проспекте, в задницу вишнёвой мечте въехала древняя белая «копейка». И плотно так вошла — на полкапота разместились в багажнике «девятки», слегка её обеременив. Случилось это точнёхонько в день путча — девятнадцатого августа 1991 года. Так что довольно минорное «Лебединое озеро», звучавшее в тот день в эфире всей страны, оплакивало не только мечту прогрессивного человечества о соединении пролетариев всех стран, но и вполне прозаическую мечту отдельно взятого молодого человека о первоначальном капитале.

Пребывать в прострации и с битой мечтой на руках было не в характере нашего героя, поэтому он выбил из въехавшего ему в зад кооператора (хоть здесь повезло, что не инженер) двадцать тысяч — не мечта, но тоже деньги, учитывая, что за саму машину он заплатил шестнадцать. Таким образом, всё состояние Ромки на данный момент состояло из старого «мерина», битой «девятки» и двадцати тысяч. С одной стороны, немало, учитывая, что стипендия аспиранта составляла шестьдесят рублей, зарплата инженера — сто шестьдесят, а профессора МГУ — четыреста со всеми надбавками.

С другой стороны, у какого-то кекса в халате и сеточке для волос только в шкафу завалилось минимум триста тысяч... А он что — хуже кекса?

* * *

Нет, он лучше кекса! Но пока это известно лишь ему самому. А чтобы об этом узнали окружающие, и особенно отворачивающиеся студентки, необходимо поднять конкретно денег. Странные метаморфозы начались с девushками по мере перехода общества на капиталистические рельсы — теперь им недостаточно большой и чистой любви, нужны ещё и бабки...

От философских рассуждений его отвлек бывший однокурсник Эдик Поплёвкин. У Эдика имелась отвлеченная особенность — при разговоре он подходил к собеседнику максимально близко и говорил прямо в лицо. Вот и сейчас, для начала наступив Ромке на ногу, Эдик задышал на него крепким чесночным духом и доверительно зашептал: «Есть красная ртуть! Надо продать...» Ромка деликатно высвободил ногу и попытался отодвинуться. Эдик взял его за пуговицу. Смирившись, Ромка обречённо спросил: «Сколько?»

— Пусть сами цену предложат!

— Хорошо.

Эдик не отпускал пуговицу. Ромка не знал, что такое красная ртуть. Эдик тоже. Надо было как-то продолжать разговор, потому что Эдик требовательно сопел ему в лицо.

— А где находится?

- Этого я сказать не могу. Сам понимаешь!
- А сколько там её?
- Этого я тоже не могу сказать.
- Хорошо. Я передам.
- Договор! — Эдик наконец отпустил пуговицу.

Ромка поспешно завернул за угол, лишь потом вспомнив, что шёл в другую сторону. Эдик обладал кипучей энергией и чрезвычайной настырностью. По его собственным словам, он отслужил в спецназе морской пехоты и забивал гвоздь-стопятидесятку в стену ладонью. Но никогда этого не демонстрировал. Будучи отчисленным с третьего курса, Эдик продолжал жить в студенческой общаге. Коммерческие предложения сыпались из него как горох. А также советы на все случаи жизни. Помнится, Ромка воспользовался одним.

Когда пару лет назад в Союзе случился бум бодибилдинга, он как одержимый начал качать железо вместе с другими пацанами из секции. Результаты быстро росли. Вскоре он уже жал от груди полтора собственного веса и не собирался останавливаться на достигнутом. Результаты росли, а мышечная масса — нет! А хотелось банки как у Шварценеггера. Ни о каких анаболиках тогда ещё не слышали, и Эдик дал бесплатный совет: «Пей пиво со сметаной. Прямо в пиво кладёшь сметану и вилкой размешиваешь! Лучше на ночь». Пропорции Эдик не назвал. Ромка, перфекционист по натуре, решил: чем больше, тем лучше! На ужин теперь он жарил себе сковородку картошки с мясом и выставлял на стол три бутылки пива. И три пачки сметаны. Наливал

пиво в кружку, отпивал треть, заедая горячей картошкой, потом вываливал пачку сметаны в пиво, размешивал, как учили, и пил уже так. Кстати, довольно вкусно получалось. Пиво становилось мягким, жирным и маслянистым, как чай в армии, когда туда бросаешь пайку сливочного масла. К концу ужина Ромка неизменно становился осоловевшим, с вытаращенными глазами и открытым ртом, будто карась на траве. Дышал с трудом, то и дело отрыгивая. По несколько раз за ночь бегал в туалет. Неделя такой диеты принесла скромный результат — плюс полтора кило. Потом кончились деньги, и диету пришлось прекратить. Полтора кило как корова языком слизнула. Эдику он после этого не верил.

Чуть не дойдя до своей комнаты, Ромка встретил осетина Феликса, который у себя на родине разливал водку в серьёзных объёмах. Феликс был очень спокойный человек и, в отличие от всех остальных известных Ромке осетин, не занимался вольной борьбой. Как, впрочем, и другими единоборствами. За его неторопливыми движениями, за спокойным, внимательным взглядом чувствовался такой характер, что никакая борьба не нужна.

— Привет, Фелё! — Ромка позволял себе обращение, принятое только в узком кругу земляков Феликса. Тот принимал это, поскольку Ромка был вхож в диаспору через своего близкого друга Альберта, пользовавшегося авторитетом. Кроме того, он совсем недавно продал Феликсу две с половиной тысячи долларов, на которые тот купил двушку на Удальцова, недалеко от университета, своей любовнице Лариске. После этого случая